

Алексей КОЛЕСНИЧЕНКО

занятие для бессонницы
изучать топонимику нарьян-мара
кто знает где мы окажемся через год
надолго ли
в каком составе

качгорт по-ненецки значит
сорочий дом
так говорит
лучший в стране птицеспас

сороки строят несколько гнёзд
но живут в единственном
сухие веточки прутики
безопасность постоянство
и блестящие фантики
над ослепительным снегом

он здесь никогда не растает
он защитит нашу молодость
от обязательств
обстоятельств
и статистических погрешностей

стихи о боге родине и финансовых системах

бог богатства плодородия
ходит по сырой воде
мир работает на родине
не работает нигде

на чужбине вдруг приκληнется
где ни чу повсюду русь
всё своё ношу наличностью
час минутой оглянусь

Алексей Колесниченко родился в 1995 году в Воронежской области, живёт в Москве. Окончил бакалавриат факультета социальных наук и магистерскую программу «Литературное мастерство» Высшей школы экономики. Публикации (поэзия и критика): «Подъем», «Полутона», «Формаслов», «Флаги», Textura, «Горький», «Учительская газета» и др. Автор книги стихов «Последний случай» (М.: Формаслов, 2022).

голова бедой обмотана
и тревоги полон рот
во всём мире бог работает
а на родине живёт

у него зарплата белая
два кредита дом детей
через раз уборку делает
экономит на еде

ЭТЮД

у человека который всю жизнь проводит в трамваях
появляется особая трамвайная походка
предусматривающая резкое торможение
рассыпанные продукты
падающих детей
случайные звонки

я завтракаю на синем клетчатом сиденье
потому что выбрал ночь вместо сна
сон вместо утра
сорок шестую дорогу
вместо кофе из дрипа
с запахом одной из латиноамериканских революций

сложнее всего было выбрать
вишня или черника
выбрал обеих
не от жадности
для легкости
внутри того что в ре миноре
называют маленькой жизнью

во времени ягод
есть чем поживиться
но мои вкусы постоянны
как трамвайный маршрут
когда наконец-то завершается
донельзя затянувшийся
ремонт путей

в рост как лопух под воротами дома крёстного
в дождь богатеем в прополку и сушь нищам
жизнь избегаем всего чересчур серьёзного
(всё избегаем) не сдерживаем обещаний

птицы колючих ветвей мы едим себя
даже смешно – поём токуем ещё о чём-то
но просыпаемся пение вдруг сменяя
тиком отсчёта

как это топтать по звуку из года в год
в эпизодической роли искать проявки
тик или так приближается то что тебя убьёт
в детском дыму неспасённых яблонь

делать что можешь редеть и не делать то
что остаётся в момент когда всё прощаешь
ягоды осознания горше своих цветов
мы это знаем нам это и обещали

сдержат

гомонят придворные глашатаи
всяк своё а солнышко встает
в омуте столицы мгла вожатая
самое себя не узнает

я за языком-то не особенно
целая история провалов
но вот эту мглу не согласовывал
без меня её публиковали

смотрит сверху затемно просительно
говорит мне не тревожься сына
видишь время очень относительно
то оно сосна а то осина

наледью по кромке дня бесцветного
ходят постоянные приметы
руки губы треснуты обветрены
соль в глазах на языке смола

без меня мне разрешили это
я просил но выдали сполна

птица радость где ты делась
ветра в поле днём с огнём
на работу строим в девять
мрачно шутим шеи гнем

тихо курим спим неплохо
чист на рту чужой платок
у соседей шум и грохот
в батареях холодок

сколько пуле первый петел
накукует на труды
жизнь всю жизнь стремится в пепел
хоть и вышла из воды

день ломтями на газете
тёплый с дымкой нарезной
то о чем пиздят соседи
пахнет 58-й

опознаю его едва
кто раскрашивает слова
и висит как на пуповине
от бессонницы дармовой

отголосок тревоги длинной
вниз всклокоченной головой

кулаки говорит сожми
и себя самого навывлет
раз такие труды пошли
что бледнеют даже зрочки

как пожарный в огне и мыле
а попробуй потом прочти

все немые

а куда говорю ещё
если только часы в расчёт
даже воздух и тот по плану
до отмашки пуста среда

а когда обещают славу
начинают подозревать

велика говорит потеря
закури в перерыве винном
стебли дыма и пепла хвощ
видишь прямо растут из тела

вот за них ты и будешь делать
что не хочешь и не поймёшь
но полюбишь до беспредела

вот и вся твоя пуповина
повисишь повисишь
уйдёшь

заброшенный недострой
у полицейского участка номер NN
ГУ МВД по ЦАО
забористо заполнен граффити
как идеально грамотная
колонка окружной газеты
читаемой только кошками
и стельками зимних сапог

нарушения удобнее
прятать на месте
которое предполагается
как самое видное
но всегда остаётся
в тени внимания
тех кто обязан
блестеть пуговицами
в его присутствии

они ищут тех кто прячется
тех кто хочет спрятаться
тех кто предполагает возможность
однажды захотеть укрыться

никто не сбежит
от строгого блеска
глаз корректора

ничто их после
не прочтет

лучик солнце-каланча
в тучи шлёт и прячет в ящик
очень часто я молчал
но сейчас я говорящий

кто читает между строк
видит форму цвета тучи
приходи на мой порог
выродок судьбы дремучей

я налью тебе борща
сдам последнюю сорочку
и отправлюсь по плащам
снежным каплей в море сточном

по этапу на закат
чтоб будили до рассвета
чтобы кровь во рту сладка
как последняя конфета

который город сны не снятся
и воздух каменный на шее но
юшуньский дождь из восемнадцатого
запахнет вечным возвращением

который сроду не боялся
чужой любви затравлен собственной
смешная нимфа кобаяси
глядит сквозь пальцы близкой осени

она поёт и всё сжимается
иглой сигнального вопроса
живая память зашивается
нить натяни разрыв закроется

любовь чужая кругом около
подшить садится как влитая
из восемнадцатого облака
кап-капает (////) не долетает

(летит-летит)

ночью мир принадлежит не нам
дети остро чувствуют невхожесть
и ложатся спать как можно раньше
не смущая тонкость и сокрытость
что бояться
светового дня

мы всё стремимся к экспансии
ненасытные
шагами поглощаем почву ночи
вторгаемся на территорию невесомости
нарушаем права беззвучия
роняем снаряды пьяных голосов
ведём себя по-людски

и не замечаем
как стремительно стареем
ночь не прощает
страсти и безысходности
ночь удваивает время
под нашим весом

stay untuned
save the night
твердит всемирная организация
спасения баланса

расклеивает дрожащие листовки
на мерцающие стены снов
которые мы
опять и опять
пропускаем

светла черёмуха цвела
луна в параболе летали
огни о том что ты цела
но я выискивал детали

до слёз переполнял зрачок
всем чем была цела цвела ты
секунды сердцу не в зачёт
оно быстрее циферблата

и сколько их цветных огней
перебежали и забыто
а слов не помню как и не
было но были и в избытке

когда в трамвайных позвонках
сквозь улицы где слой на слое
твой свет спасибо вдруг строка
но ты цветёшь сильнее слова

от души разорённой под тулой
зашиваю в груди про запас
несвободу погоду сутулую
это город стреноживший нас

переломит как ветку засохшую
обожжёт зарядит в самострел
как ты смотришь так больно тревожаще
так никто до тебя не смотрел

за деревьями леса не спрятано
что ни снится одни ковыли
как теперь эти дни перекатные
друг от друга суметь отделить

почему будто волоком войлоком
одинаковых букв колея
это яблоко нет это облако
это холодно нет это я

говоришь всё вернётся означится
рассосётся заноза в руке
деконструкция дереализация
на каком это блять языке

по каким ещё надо по лестницам
задохнусь но не брошу курить
как ты смотришь тревожно болезненно
не смотри так смотри так смотри